

СКАЗКА

Условный рефлекс

Жил-был на свете Ежик. Ежик был маленький, шустрый, деятельный — и очень, очень одинокий.

Дело в том, что у Ежика был условный рефлекс: как заметит какой-нибудь непорядок — сразу бросается нарушителя порядка воспитывать. Для этого у него имелись колючки. И те, кто хотел с ним познакомиться поближе, часто на них натыкались. А кому понравится, если ты с лучшими намерениями — а тебе в ответ делают больно? Даже если нечаянно — все равно неприятно! Ну, все и держались на почтительном расстоянии — в целях сохранения собственной шкурки.

Ежику, конечно, это не очень нравилось. Иногда он грустил, потому что ему хотелось, чтобы в его уютной норке почаще бывали друзья, а еще лучше — чтобы кто-нибудь поселился вместе с ним. Но никто не мог долго выдерживать его колючек... И Ежик снова и снова оставался один. «Ну и ладно, ну и не больно-то хотелось, — обиженно пыхтел он, закатывая в норку очередное яблочко или развешивая по стенкам светлячков. — Подумаешь! И один проживу!».

Но на самом деле Ежик страстно мечтал о ком-то, кто будет рядом всегда. Как известно, если о чем-то долго-долго мечтать, рано или поздно это случится. Так произошло и с Ежиком. Однажды он увидел маленькое существо, которое с любопытством рассматривало лужайку перед входом в его жилище.

- Здравствуй, дружок! — высунул носик Ежик. — Ты кто?

- Здравствуйте, я Черепашка, — вежливо ответило существо. — Я еще совсем недавно вылупилась из яйца, и у меня пока нет ни друзей, ни дома.

Вот хожу, знакоюсь с миром+

- И как тебе мир? — полюбопытствовал Ежик.

- Он прекрасен! — с восторгом воскликнула Черепашка. — Здесь так много интересного, и очень, очень красиво! Мне вот понравились эти цветочки у входа в ваш дом.

- Слышь, Черепашка! А не хочешь ли ты поселиться у меня? — предложил Ежик. — Вместе веселее! И норка у меня просторная. Кроме того, я уже знаю Мир и мог бы тебе многое о нем рассказать. И даже показать! Это называется «воспитывать».

- Да я с удовольствием! — обрадовалась Черепашка. — Если это удобно, конечно. А то вдруг я вас стесню?

- Ерунда! — фыркнул Ежик. — В тесноте, да не в обиде. Давай, заходи! И давай уже на «ты»+

Так Ежик и Черепашка стали жить вместе. Ежик очень обрадовался: теперь у него появился друг, и одиночество отступило. Можно было вместе гулять, разговаривать и обсуждать разные мировые проблемы. Ежик тщательно прижимал к спинке свои колючки, чтобы ненароком не ранить Черепашку. Она ведь была совсем юной, и ее спинка была розовой и мягкой. Черепашка еще просто не успела нарастить себе панцирь.

- Черепашка, а тебе не страшно? — поинтересовался как-то Ежик. — Ты вся такая ранимая и беззащитная, а вдруг тебя кто-нибудь обидит, сделает тебе больно?

- Мне не страшно! Ведь Мир так добр! — с энтузиазмом отозвалась Черепашка. — И у меня есть ты. И наш дом. В случае чего я всегда смогу спрятаться в норку. Ведь правда?

- Правда, — согласился Ежик. А сам подумал: «Я всегда буду защищать Черепашку и никому не дам ее в обиду! Ведь ее нежную кожу так легко поранить!».

Как ни странно, первую рану Черепашке нанес именно Ежик. Дело в том, что они с Черепашкой оказались очень разными. Ежик бегал быстро — Черепашка передвигалась медленно. Ежик любил действовать — Черепашка любила мечтать. Ежик вставал ни свет ни заря — Черепашка предпочитала поспать подольше. В общем, они были не похожи друг на друга. Разумеется, ничего страшного в этом нет, ведь природа не любит повторяться, и всех создает по индивидуальному образцу. Но вот какая штука оказалась: расторопный Ежик очень любил порядок, а медлительная Черепашка все время забывала, в чем этот порядок заключается. То забудет на ночь светлячков со стен собрать, то листья по полу разбросает, то лапы вытереть забудет. Ежик терпел-терпел, пыхтел-пыхтел, напоминал-напоминал, и однажды не выдержал.

- Да сколько раз тебе говорить нужно??? — раздраженно топтал лапками он. — Неужели так трудно все запомнить?

- Извини, пожалуйста... — растерянно прошептала Черепашка. — Я вовсе не хотела тебя обидеть... Я нечаянно, правда... Наверное, у меня просто память плохая.

Она искренне была огорчена, что так расстроила своего друга Ежика. У нее даже слезы на глазах показались.

- Давай так, — решительно сказал Ежик. — Если ты не можешь запомнить правила совместного проживания, я буду тебе напоминать. Нужно, чтобы любовь к порядку стала у тебя условным рефлексом.

- Конечно, конечно, давай! — с облегчением вздохнула Черепашка. — А что такое «условный рефлекс»?

- Ну, это когда у тебя есть стимул неукоснительно соблюдать правила.

- А откуда он возьмется, этот самый стимул? — робко спросила Черепашка.

- А вот откуда! Каждый раз, когда ты что-нибудь забудешь, я тебя уколую иголкой. Вот так! — и Ежик кольнул своей острой иголкой мягкую спинку Черепашки. Несильно кольнул, но все равно выступила капелька крови.

- Ой! Больно! — отпрянула Черепашка.

- Зато стимул мощный. Не хочешь, чтобы было больно — не забывай о правилах, — нравоучительно сказал Ежик.

- Хорошо, я постараюсь, — опасливо поежилась Черепашка, косясь на иголки. — Я и не знала, что ты ими колешься.

- Надеюсь, не придется, — обнадежил Ежик.

И впрямь, какое-то время Черепашка старалась, и Ежику не доводилось использовать иголки. Но потом она опять что-то забыла сделать, и Ежик применил свой стимул.

- А можно без иголок обойтись? — жалобно спросила Черепашка. — А то мне как-то уж очень неприятно...

- Мне тоже неприятно, что ты нарушаешь порядок в норке, — строго сказал Ежик. — Так что уж постарайся, дружок...

А сам подумал: «Нужно быть последовательным. Если попуститься принципами, в норке будет хаос. Да и в жизни тоже. А Черепашка так никогда и не научится соблюдать правила».

Но Черепашка, как ни старалась, все равно время от времени что-то забывала или не успевала. Только теперь она очень боялась, что ее опять будут колоть, а от этого думала не о том, что надо делать, а о том, что будет больно. У нее уже вся спинка была исколота! Черепашка чувствовала себя очень виноватой: ведь она своей забывчивостью так расстраивала Ежика! Он часто ей говорил: «Мне больно от того, что ты меня расстраиваешь!». А Черепашка вовсе не хотела, чтобы ему было больно... В ней поселился страх — опять расстроить Ежика.

Через какое-то время Черепашка с удивлением заметила, что спинка стала вовсе не такой чувствительной. Вроде бы Ежик колется — а она не реагирует, боль как-то притупилась. Она еще не знала, что существо становится бесчувственным, если постоянно делать ему больно... В целях защиты! Защита от боли — это тоже условный рефлекс.

Ежик чувствовал досаду, ведь условный рефлекс никак не вырабатывался. Он стал колоться сильнее — чтобы Черепашка замечала его усилия и исправлялась. Но результат был все тот же. Кроме того, Черепашка почему-то стала много спать, и это Ежика тоже раздражало. Ведь когда кто-то спит, очень трудно вырабатывать у него условные рефлексы!

Пока Черепашка спала, Ежик думал, что он ей скажет, когда та проснется. Это в нем копилось, копилось, а потом он выливал на нее сразу все, что не успел ей сказать. Поскольку Ежик сердился, то получалось грозно и громко. Черепашка только втягивала голову в плечи — ей хотелось казаться меньше, а лучше и вовсе спрятаться. И вскоре она научилась втягивать голову и лапки под панцирь. А панцирь Ежик мог колоть сколько угодно — он затвердел, стал толстым и совершенно потерял чувствительность.

И однажды Ежик заметил, что ему опять становится как-то одиноко. Нет уже между ним и Черепашкой той дружбы, они не разговаривают, не гуляют и не обсуждают мировые проблемы. И Черепашка стала вялая, сонная и апатичная. Вроде бы как спит на ходу. Откуда ему было знать, что очень много сил уходит на защиты, если все время ждешь какой-нибудь опасности? И Ежик с удвоенной силой принялся воспитывать Черепашку.

- Ты не должна быть такой замкнутой, — внушал он. — Ты ушла в себя, тебя ничего в жизни не интересует. Это неправильно!

- Ну и что, ну и ладно, — рассеянно отвечала Черепашка. — Не всем же быть правильными?

- Ты уже почти не шевелишься, уже похожа на сухой пенек! — недовольно указывал Ежик. — В своем уголке когда последний раз убиралась? Почему яблоки не ела?

- Не помню... Я недавно убиралась... — вяло отмахивалась Черепашка. — И ну их, эти яблоки... Вдруг еще испорчу чего или перепутаю?

- Ну что такое??? Почему у тебя условные рефлексы какие-то неправильные? Вместо того, чтобы делать все как следует, ты замираешь и вообще ничего не делаешь? — недоуменно спрашивал Ежик. — Ты какая-то+ необучаемая!

- Какая есть, — вздыхала Черепашка и снова уходила в себя — то есть под панцирь. — Ну что теперь, если я такая — умереть, что ли?

А потом наступила осень. И Черепашка совсем замерла. Она не шевелилась день, потом другой, потом третий. Ежик запаниковал.

- Эй, Черепашка! Ты спишь? Или заболела? Ну не молчи, отзовись! — стучал он по панцирю.

Но Черепашка не отзывалась и вообще никак не реагировала. Словно умерла. Ежику стало страшно: а вдруг и правда умерла? Он выскочил из норки и побежал к лесному доктору — старой Сове. Она жила в дупле огромной ели, и все, у кого были проблемы, обращались к ней за помощью. Вскоре Ежик уже торопливо рассказывал ей, что случилось с Черепашкой.

- Ничего непоправимого, — сообщила Сова, осмотрев пациента на месте. — Просто впала в спячку. Защитная реакция такая.

- А от кого ей защищаться? — недоуменно спросил Ежик. — Здесь, кроме меня, никого нет, я ее воспитываю и никому в обиду не даю.

- Так от тебя, воспитатель, она и защищается, — покачала головой Сова. — Ты ж ей личного пространства совсем не оставил. Вот и пришлось панцирь нарастить, чтобы хоть как-то от тебя отгородиться. Она потому и медлительная такая стала, что тяжело ей на себе такую защиту таскать, а по-другому нельзя.

- Как так «нельзя»? — удивился Ежик. — Я же вот живу без панциря, ни от кого не защищаюсь, и ничего!

- У тебя колючки, — возразила Сова. — Лучшая защита — нападение, да? Ты зачем вот Черепашке всю душу исколол?

- Мы условные рефлексы вырабатывали, — стал рассказывать Ежик. — Я ее так к порядку приучал, чтобы ей в жизни потом легче было приспособиться.

- Ну вот и приспособил, — безжалостно оборвала его Сова. — Выработал у нее условный рефлекс — чуть что — сразу прятаться и замирать. Ты иголку в спину — она панцирь. Все по науке!

- А как же тогда? — возмущился Ежик. — Она же такая рассеянная+ То светлячков не соберет — так и горят всю ночь. То в норке намусорит. То яблоко откусит, а огрызок оставит. И еще медленно все делает.

- Знаешь, Ежик! Ты вот позвал ее жить к себе — так должен понимать, что ты и она — не одно и то же, — рассудила Сова. — Никогда Черепашке Ежиком не стать, и не надейся. У нее свои особенности, у тебя свои. Так может, лучше вам и не жить вместе?

- Как это «не жить»? — опешил Ежик. — А где же ей жить? А кто ее воспитывать будет? Она ведь еще такая юная, беззащитная+

Ну, благодаря тебе не такая уж и беззащитная, — не согласилась Сова. — Вон панцирь-то какой нарастила, ужас просто. Видать, хорошо ты ее шпынял, от души. Может, если уйдет от тебя — оживится, повеселеет. Поймет, что кроме условных рефлексов, есть еще и безусловные.

- Это какие такие безусловные? — не понял Ежик.

- Это когда условий не ставишь, а принимаешь другого таким, какой он есть, — объяснила Сова. — Пусть он не такой быстрый, не такой сообразительный, не такой умный, как ты. Но если ты хочешь делить с ним одно пространство, просто люби его. Любовь — это и есть самый безусловный рефлекс. Потому что если любишь, так какие могут быть условия??? Это же и ежу понятно!

- Говорите, ежу понятно? — озадачился Ежик. — А почему тогда я этого не понимал?

- У каждого свои недостатки, — заметила Сова. — Ты тоже не можешь знать всего на свете. Но теперь-то знаешь.

- А как его вырабатывают, этот безусловный рефлекс? — спросил Ежик. — Мне очень, очень нужно!

- Его не надо вырабатывать, ведь он безусловный! — ответила Сова. — Его надо просто вспомнить и освободить. Только Любовь с колючками несовместима, ты учти, Ежик. Любовь не колет. Она гладит!

- Скажите, а Черепашка проснется? — с отчаянием спросил Ежик. — Она же не навсегда ушла в эту... защитную реакцию? Я ведь на самом деле, когда ее иголками колол, думал, что ей же лучше делаю... Я ведь ее очень, очень люблю! Она — мой самый лучший друг! А вдруг она больше никогда, никогда не захочет проснуться?

- Будем надеяться, что нет, — утешила Сова. — Если ты окружишь ее любовью и не будешь тревожить, рано или поздно она снова поверит тебе. Поверит в то, что мир — добр и безопасен. И что никто никогда

больше не будет ранить ее нежную кожицу за то, что она что-то забыла или не успела.

И Сова полетела по своим делам. А Ежик устроился рядом с Черепашкой.

- Слышишь, Черепашка! — тихонько сказал он. — Ты спи, сколько захочешь. А я подожду. А когда ты проснешься, мы украсим норку самыми большими светлячками, разбросаем повсюду листья, и будем есть яблоки столько, сколько захотим, и даже огрызки пусть валяются, не страшно! Я просто хочу, чтобы ты была! Я снова хочу разговаривать с тобой, и гулять, и показывать тебе мир. И больше никогда, никогда не буду пытаться тебя изменить. Я лучше сам изменюсь! Я сделаю свои колючки мягкими. Они станут как шерстка, и меня даже можно будет погладить. Может, тогда и тебе захочется скинуть свой панцирь? Ты отдыхай, отдыхай. А я буду сидеть и вырабатывать у себя безусловный рефлекс любви, вот! А потом обязательно расскажу тебе, что это такое.

И ему уже казалось, что его колючки правда становятся мягкими и шелковистыми, потому что все мы — и Ежики, и Черепашки, и другие существа — по сути своей одинаковые: с любопытными носиками и мягкой, розовой, беззащитной кожицей, очень нуждающейся в Любви.

Автор: Ирина Сёмина (Эльфика)

